

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Елена Логунова

Наследница
Шахерезады

Смешные детективы

Елена Логунова

Наследница Шахерезады

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Логунова Е. И.

Наследница Шахерезады / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
2015 — (Смешные детективы)

Бывают люди, которых буквально преследуют приключения! Волею судеб застряв в транзитной зоне венского аэропорта, журналистка Елена случайно нашла труп, а потом еще один... В одиночку она ни за что не справилась бы с лавиной неприятностей, но, к счастью, рядом с ней оказалась верная подруга Ирка! Правда, у Ирки свои проблемы: кто-то похитил ее чемодан, однако вскоре выбросил его в людном месте... А потом ценный груз снова пропал! Снегопад, из-за которого были задержаны десятки рейсов, прямо-таки вынудил подруг немедленно приступить к поискам убийцы и вора, ведь чем еще могут заниматься две порядочные женщины в ожидании летной погоды!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Логунова Е. И., 2015
© Эксмо, 2015

Елена Логунова

Наследница Шахерезады

© Логунова Е., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

23 января, 18.15

Из динамиков потекли волшебные звуки вальса Штрауса.

– Парампампам! Пам-пам! Пам-пам! Опаздываем! Минут! На два... – Мой внутренний голос зачастил, машинально стараясь попасть в такт музыке. – Парампампампам... Пам-пампам! Не успе! Ю пе! Ресесть! Парапарам!!!

Бравурный аккорд ознаменовал посадку, пассажиры в салоне лайнера зааплодировали.
Я беззвучно выругалась.

На стыковку в Вене у меня было тридцать минут, осталось десять. За окошком виден был подкативший автобус, значит, пассажиров не выпустят по «рукаву» и я совершенно точно не успею на рейс в Прагу, парампампам его так распарампампампам!

Бортовое радио металлизированным голосом фройляйн стюардессы озвучило объявление на языке Шиллера и Гете, которого я не знаю, но чуткое ухо дипломированного филолога уловило слово «Прааг».

Что, что там про Прагу?!

– Пассажиры, следующие транзитными рейсами в Прагу, Париж и Брюссель, подойдите к представителю аэропорта у трапа, – повторила железная фройляйн по-английски.

Язык Шекспира и Диккенса я знаю слабо и разговариваю на нем с монголо-татарским акцентом и только в случае крайней необходимости, предпочитая лишний раз не позориться. Но понимаю почти все, как та собака из анекдота.

«Фас! – отдал мне мой внутренний голос команду, понятную любой собаке. – Взять этого представителя аэропорта!»

Я энергично протолкалась к выходу, некультурно вонзая локти в бока куда менее торопливых пассажиров и автоматически извиняясь на разных языках:

– Сорри... Простите... Извините, пишепрашам, меа кульпа, миль пардон, мадамы и господамы!

Что-то не то я говорила, но меня тоже нужно было понять и простить – я ужасно нервничала.

Фройляйн проводница любезно мне улыбнулась. Я подарила ей незабываемый сверкающий оскал в стиле «вампиреныш на тропе войны» и с грохотом скатилась по ступенькам трапа к сотруднику аэропорта – тетеньке в оранжевом жилете.

На моей родине такие яркие апельсиновые тужурки носят дорожные рабочие, но австрийская тетенька держала в руках не совковую лопату, а планшет с трепещущей бумажкой. Свободной рукой она направляла в микроавтобус тех пассажиров, которые знали пароль: «Прага», «Париж», «Брюссель».

– Прага! – гаркнула я, стукнув себя в грудь кулаком с зажатым в нем посадочным талоном.

Тетенька кивнула, оторвала от моего талона купон и подтолкнула меня к микроавтобусу. Фу-у-у-уххх... Глядишь, еще успею!

Дяденька, на полу пальто которого я приземлилась в машине, вежливо пробурчал мне что-то успокаивающее, я слабо улыбнулась и мысленно призвала тетку в жилетке поторо-

питься. Наконец она уловила мои нервические телепатемы, запрыгнула за руль, и микроавтобус резво помчался к зданию аэропокзала.

– Парампампам, пам-пам, пам-пам, – нервными часиками затикал мой внутренний голос, пока я гипнотизировала напряженным взглядом приближающиеся раздвижные двери.

– Паспортный контроль, – объяснила оранжевая тетя, подводя нашу маленькую группу опаздывающих торопыг к пограничной будке на две каморки.

В одной сидела женщина, в другой мужчина.

«К мужику иди, они к бабам добрее», – торопливо посоветовал мне внутренний голос.
Как будто я этого не знала!

Я когда-то работала в школе, где коллектив почти сплошь женский, и прекрасно знаю, как нетерпимы друг к другу дамы. Единственный случай, когда я предпочитаю обращаться за помощью не к мужчине, а к женщине, – визит к гинекологу.

В данном случае раздевание мне вроде бы не грозило, и я смело протянула свою краснокожую российскую паспортина молодому человеку в форме.

Роковая ошибка!

Я успела подумать, что у служивого чуткие пальцы пианиста и неприятно въедливый взгляд троллейбусного контролера, и тут же услышала:

– Ихъ пасс ист нихт гультиг!

«Какой, на фиг, гульфик?!» – сварливо озадачился мой внутренний голос.

А я, кажется, внезапно стала понимать немецкий!

– Как это – паспорт недействителен? Он до четвертого февраля! – парировала я по-русски, тыча пальцем в соответствующие циферки в документе.

Полицай-пианист-контролер покачал головой:

– Драй монате!

«Какие, на фиг, манатки?!» – запаниковал мой внутренний голос, ни разу не шпрехен зи дойч.

А я поняла: въедливый юноша обнаружил, что мой загранпаспорт заканчивается раньше чем через три месяца.

По правде говоря, он заканчивался куда раньше чем через три месяца – уже через неделю после моего возвращения из поездки. Но визу-то мне дали, значит, это не такое уж важное условие!

Во всяком случае, в турагентстве, которое срочно за немалые денежки сделало мне эту визу, меня уверяли, что проблем со въездом в Шенгенскую зону у меня не возникнет.

– Но у меня же есть виза, вот!

Я ловко перевернула страничку и продемонстрировала въедливому юноше зелененькую нашлепку за подписью атташе Константиноса Ксенидиса.

Ну да, это атташе консульства Греции, но какая разница? Шенгенская виза есть шенгенская виза, уверяли меня в турагентстве.

– Гречиш визум? Унмёглих! – Несговорчивый полицейский не перестал мотать головой, при этом амплитуда качаний заметно увеличилась. – Нихт! Нихт!

«Правильно в Австрии обращаются к местным полицейским – «хер полицай», очень подходит им это ругательное название!» – злобно молвил мой внутренний голос.

– Хер полицай! – сказала я с чувством. – Ай масть ту би ин Праг! Ит из вери, вери импотент!

– Нихт!

«Вот же импотент чертов», – выругался мой внутренний голос.

Хер полицай добавил к упражнению для шейного отдела позвоночника взмах рукой, и нетерпеливо дожидавшаяся меня тетя в жилете поспешно убежала.

Раздвижные двери сомкнулись за ней и группой счастливцев, благополучно продолжающих свои путешествия.

«А вас, Штирлиц, я попрошу оставаться», – напророчил мой внутренний голос.

Въедливый полицейский юноша покинул свою кабинку и поманил меня за собой.

«А ведь говорили тебе, что ничего хорошего из этой затеи не получится», – хныкал мой внутренний голос, пока я брела за полицейским юношей секретными тропами, где не ступала нога добропорядочного пассажира.

Мы пришли в помещение, где было довольно много народа: с десяток граждан в пестрых одеждах с чемоданами и детьми – и человек пять в такой же черной форме, как у моего сопровождающего.

«Это кутузка?!» – ужаснулся мой внутренний голос.

– Всего лишь полицейский участок, – пробормотала я, тщетно стараясь успокоиться.

В полицейском участке – или как называется это милое место? – меня приземлили на свободный стульчик. Рядом резвились детишки – девочка в розовом балахоне и мальчик в спортивном костюме и странном головном уборе из платка или шарфа, свернутого в тугую шапочку с узлом-помпоном на макушке.

Интересно, что это за этнический чепец?

– О своей голове подумай, идиотка! Требуй адвоката! – сварливо посоветовал внутренний голос.

– Какого адвоката? Нет у меня никакого адвоката! – сердито прошептала я.

– А зря! – припечатал внутренний голос.

Тут я с ним поспорить не могла, адвокат бы мне сейчас весьма пригодился.

Мысленно я просмотрела списки друзей и знакомых, но адвоката вспомнила всего одного. Это мой бывший одноклассник, безответная любовь моих школьных лет, ныне скучноватый лысоватый доктор юридических наук, проживающий в далекой Тюмени. Сомневаюсь, что он с готовностью придет мне на помощь за тридевять земель в... (тут я посмотрела на часы) половине седьмого вечера по венскому времени. В Тюмени-то уже глухая ночь!

Я опять посмотрела на часы: ох, уже без четверти семь!

Последний на сегодня рейс на Прагу улетает через час, и не похоже, чтобы со мной на борту!

23 января, 18.15

«Плох тот стажер, который не мечтает стать генералом», – регулярно внушала Якобу Шперлингу его любящая муттер.

До того, как ее единственный сын поступил на службу в полицию, фрау Шперлинг внушала отприску, что плох тот школьник, который не мечтает стать профессором, и тот музыкант, который не мечтает концертировать с Венским филармоническим оркестром, однако в искусстве и науке карьера у Якона не сложилась. Не хватило усидчивости, дотошности и похвального внимания к мельчайшим деталям, а также объема памяти, в которую упорно не помещались просторные скучные тексты и нотные партитуры.

Увы, и до высокого генеральского звания стажеру Шперлингу было почти так же далеко, как до полной луны, каковую он и созерцал рассеянным взором поверх монитора в окне над летным полем.

Желтый круг ночного светила то и дело пересекали темные силуэты взлетающих лайнеров. Якоб Шперлинг мечтал вознести к высотам власти столь же стремительно и неудержимо, как самолет. Он даже придумал уже, каким образом может ускорить свой подъем на следующую ступеньку карьерной лестницы: поймать шпиона или обезвредить террориста – всего-то делов!

Главный аэропорт Австрийской Республики ежедневно пропускал десятки тысяч пассажиров. Несомненно, шпионы и террористы среди них имелись, однако выявить их удавалось нечасто.

Тем не менее совсем недавно сотрудники полиции аэропорта Швехат задержали турецкую пару, пытавшуюся провезти в багаже пулемет и боеприпасы к нему.

К несчастью для Якоба, в тот день у него был выходной, и под раздачу наград и поощрений он закономерно не попал.

Однако международная обстановка становилась все напряженнее, в террористы и шпионы переквалифицировались даже управдомы и домохозяйки, каковая тенденция позволяла стажеру Шперлингу твердо рассчитывать на свою долю улова.

Подозрительную расхристанную дамочку Якоб выделил из группы респектабельных мужчин моментально.

У растрепанной блондинки был взбудораженный вид зайчонка, стремительно летящего над морковными грядками параллельно ружейным залпам. Даже стоя на одном месте, белокурая дамочка перебирала ногами, судорожно прижимала к боку сумку, краснела, бледнела и нервно подергивалась.

Шпионы себя так не ведут, а вот одноразовые террористки в дикой ажитации – очень даже запросто.

– Так-так! – сказал себе Якоб Шперлинг, побарабанив по стойке будки паспортного контроля, в которой он скучал уже третий час, нервными пальцами несостоявшегося пианиста.

Подозрительная блондинка тем временем забросила в окошко будки свой паспорт, и сердце Якоба взорвалось пропустило удар: документик был российский!

А виза в паспорте гражданочки РФ была оформлена с нарушениями правил!

Якоб понял, что ему повезло.

Похолодание международной обстановки перевело Россию в число стран, недружественных просвещенной Европе. Барьеры, возведенные на путях миграции в Шенгенскую зону русских медведей и медведиц, подросли и окрепли. Впрочем, даже сейчас кто-нибудь другой – не зоркий сокол Шперлинг – вполне мог закрыть глаза на небольшое нарушение в оформлении визы...

Якоб был суров.

Он вышел из будочки и поманил блондиночку за собой.

Если ему очень повезет, глядишь, у нее в багаже и пулеметик найдется...

Мысленно проделывая в форменной рубашке дырочку для ордена, Шперлинг повел задержанную в дежурку.

– Что еще, Якоб? – Инспектор Пауль Пихтер не обратил внимания на мечтательную улыбку подчиненного и запросил информацию.

– Русская, проблема с визой, – коротко ответил Якоб, сядясь за компьютер.

Определенно имел смысл поискать эту гражданочку в полицейской базе данных.

23 января, 18.46

Дзинь!

Пришло сообщение от Коляна: «Кыся, сын спрятал дневник. Скажи, чтобы дал мне на проверку!»

23 января, 18.47

Отправила сыну сообщение: «Коляша, дай папе дневник на проверку!»

23 января, 18.48

Дзинь!

Пришел ответ от сына: «Зачем?! Если мы будем доверять друг другу, мир станет лучше!»
Хм, кто бы это австрийским полицейским объяснил?

23 января, 18.50

Из штатских в участке осталась я одна. Стало тихо и скучно.
Почему я все еще здесь? Меня арестовали?
Колян меня убьет...
Это все было так ужасно, что я решила немедленно описать свои чувства. И мысли.
Ладно, и факты тоже.

23 января, 18.55

– Леди? Леди?
Я перестала в диком темпе колотить пальчиками по сенсорному экрану и подняла голову:
– А?
Перед моим затуманенным взором оформилась озабоченная физиономия.
Это кто?
Ах да, это мой же въедливый юноша, пианист-полицейский-пограничник...
Я снова перевела взгляд на экран айпада.
Может, назвать его не просто въедливым, а жутко назойливым и даже нечеловечески
вредным? В конце концов, мой текст – это моя реальность, что хочу, то и творю...
– Леди?

Что, заграничные люди считают, что у великого (ладно, просто известного) русского
писателя непременно должна быть борода, как у Толстого и Достоевского? Да я и без бороды
написала почти пятьдесят романов, и все они изданы!

Положим, это не бессмертные труды гиганта мысли, в чем, как и в случае с бородой,
мне до Толстого с Достоевским бесконечно далеко. Зато мои иронические детективы совсем
неплохо продаются, а книжки для детей переведены на четыре языка, включая китайский, а уж
это точно успех – в Китае ведь о-го-го какая читательская аудитория!

Языковой барьер не позволил мне донести все эти важные мысли до аудитории, имею-
щейся у меня в данный момент.

– Ладно, попробуем по-другому. Тут есть Интернет? – спросила я кратко, как убежден-
ный приверженец толстовской философии непротивления злу насилием.

– Интернет? Йа, – кивнул полицейский.

Озадаченности и недоумения в его взгляде и голосе ничуть не убавилось.

«Очевидно, ты снова поступаешь не так, как типичный задержанный, – рассудил мой внутренний голос. – Видимо, обычно тут просят и требуют другого: свободы, справедливости...»

– Туалет? – громко спросил мальчик с шариком на макушке.

«...и возможности справить естественные надобности, – принял подсказку, договорил мой внутренний голос. – Интернет к числу потребностей первой необходимости не относится...»

– У кого как, – парировала я, открывая сайт Российской центра науки и культуры в Праге.

На сайте красовалась моя фотография, под ней приметными красными буквами пламенел призывный анонс посетить завтрашнюю презентацию моей новой книжки.

– Вот, это я! – Я горделиво указала на фотографию.

– Йа, – не вполне уверенно согласился полицейский.

– Да бросьте, я поправилась всего на пару кило и цвет волос изменила всего на два тона, – обиделась я, подумав, что он не хочет признавать меня на фото.

«Идиотка, – ласково обругал меня внутренний голос. – Сайт русскоязычный, хер полицай просто-напросто не способен понять, что там написано!»

– О! – Я расстроилась.

Так, мне нужен переводчик.

– Кен ай хэв транслайтор? – спросила я.

– Йа, натюрих.

Полицай меня оставил.

«Мне кажется, ты неправильно построила фразу, – попенял мне мой внутренний голос. – Что значит «могу я поиметь переводчика»? Звучит неприлично».

Я пристыженно опустила глаза и уткнулась в экран планшета. Рука сама открыла свеже-написанный текст.

О да, Колян меня убьет!

Он, конечно, говорил, что всецело поддерживает меня в благородном порыве слепать на презентацию в Прагу, но выражение лица у него при этом было точь-в-точь такое, как при дегустации Масянькиных обугленных оладьев.

Масянька, он же Колюшка, он же Коля-младший, он же Николай Николаевич и Николай Второй, – это наш с Коляном сын. Недавно он принял волевое решение готовить завтрак самостоятельно, и теперь мы с Коляном то и дело пробуждаемся от запаха гари. Это здорово травмирует нашу с мужем нервную систему, поскольку инстинкт велит бежать тушить пожар, а юный повар категорически требует проявлять хладнокровие и дожидаться завтрака в постель. А потом с аппетитом есть пригоревшие оладьи и хвалить кулинара, наблюдающего за трапезничающими предками с добрым улыбкой бескорыстного благодетеля.

Я закручинилась, вспомнив дом, милый дом, и с новым чувством симпатии – пригоревшую выпечку. Туалет мне пока был без надобности, но есть уже хотелось.

Интересно, тут кормят узников?

Въедливый полицейский юноша тем временем с кем-то поговорил по телефону и начал совершать какие-то манипуляции с моим загранпаспортом в дальнем углу кабинета. Я вытянула шею, но разглядеть происходящее не смогла, что не уменьшило мою тревогу.

Повторные попытки заговорить по-русски и по-английски провалились, выявив печальный факт незнания полицейскими аборигенами иных языков, кроме родной австрийской мовы!

Средневековые какое-то, ей-богу! Как они могут работать в международном аэропорту без знания языков?

«А как ты летаешь по всему миру с остаточными знаниями старославянского и латыни?» – съязвил мой внутренний голос.

Уел. Я хоть и филолог, но не полиглот.

Я еще раз в сомнительных выражениях настоятельно попросила предоставить мне переводчика и стала ждать дальнейшего развития событий.

23 января, 19.40

«Дзинь!» – звякнул мой мобильник.

Поскольку телефон у меня не забрали, я рассудила, что пользование мобильной связью задержанным не запрещено, достала аппарат из сумки и открыла прибывшее сообщение.

Это было сообщение от Ирки, трогательное проявление заботы и идиотизма: «Ну? Ты успела на Прагу?»

Да ведь если бы я успела, то не смогла бы получить и прочитать это послание, потому как уже была в воздухе!

23 января, 19.41

Я разозлилась и выплеснула раздражение на лучшую подругу, отправив ей сердитый ответ: «Нет! Я попала в кутузку!»

«В Вене?» – спросила Ирка вторым сообщением.

Я закатила глаза – ну где же еще? Разумеется, в Вене, не в воздухе же!

Ответить не успела – любознательная подруга прислала новый вопрос: «Ну и как там?» Я огляделась.

Девочка в балахоне и мальчик с помпоном продолжали свои подвижные игры, взрослые басурмане сидели молча с непроницаемыми лицами, полицейские или погранцы (пора бы мне определиться, как их называть) спокойно занимались своими делами. Я невольно восхитилась их невозмутимостью.

Возможно, австрийские дети тоже поощряют своих родителей к буддийскому спокойствию, ссыпая готовя им завтраки в постель в дыму и пламени?

«Тут небезынтересно», – коротко ответила я Ирке, полагая, что она уловит сарказм.

23 января, 19.42

Мой сарказм то ли полностью развеялся в эфире, то ли был проигнорирован.

«Давай-ка поподробнее», – проэсэмэсила мне любознательная подружка.

«Чистенько, но бедненько, – ехидно ответила я, описывая офис, потому что никаких других подробностей пока сообщить не могла. – Стены и двери белые, лампы, столы и стулья из ИКЕА, горшечных растений вовсе нет».

«Серьезно?! – моментально отреагировала Ирка. – Вообще нет никаких живых растений в офисе? Даже кактусов?! А площадь офиса какая?»

Я поняла, что деятельная подруга только что открыла для себя новую нишу.

Они с мужем держат фирму по продаже семян, саженцев, декоративных растений, садовой мебели, парковых фигурок и прочего добра, имеющего то или иное отношение к теме зеленых насаждений. Я бы не удивилась, если бы прямо сейчас Ирка стала прикидывать, сколько кактусов и скульптурных гномиков требуется на квадратный метр благоустроенной офисной площади, и умножать полученный результат на число полицейских участков Австрийской Республики.

«Кактусы тебе интереснее, чем подруга? – упрекнула я Ирку новым сообщением. – Меня же могут вернуть обратно в Краснодар ближайшим рейсом!»

Я все еще надеялась, что полицаи-погранцы позволят мне улететь в Прагу следующим рейсом, но сознавала, что вероятность высылки меня на родину весьма велика.

23 января, 19.43

«Ничего страшного не случится, сделаешь круг и вернешься, – без задержки ответила мне Ирка. – Считай это своеобразным туром венского вальса».

Поскольку я рассчитывала на сочувствие, от подобной черствости у меня не только язык онемел, но и пальцы, так что я задержалась с написанием ответного сообщения.

А толстокожая Ирка уже прислала мне новое послание:

«ОВЕНского вальса!»

И тут же смайлик.

Я тихо зарычала, и пацанчик с помпоном оглянулся на меня с опасливым интересом.

Я сделала страшные глаза.

Неразумный детеныш захихикал.

Любимая Иркина щутка сегодня меня не смешила.

По гороскопу я Рак, но подруга уверена, что мои родители подделали метрику, чтобы скрыть от мира тот факт, что на самом деле я Овен. По Иркиному мнению, я в избытке награждена типичным баранным упрямством, о чем она не раз упоминала и на стадии моих сборов в Вену-Прагу. Я миллион раз объясняла подруге, что характеристики Овена как знака зодиака вовсе не соответствуют выразительному образу барана в русском фольклоре, но тщетно.

Впрочем, надо признать, что я действительно не привыкла пасовать перед трудностями.

23 января, 20.15

Наша компания пополнилась – привели мужичка, в котором только слепой инопланетянин не признал бы типичного русского, потому как обут он был в валенки, одет в тулутик, а с неухоженных светлых вихров при появлении в участке почтительно стянул ушанку. Для полноты анекдотичного образа не хватало только балалайки и дрессированного медведя, так что я не удержалась и захихикала.

– Добрый вечер, – неуверенно сказал мужичок, стрельнув в меня лазоревым взглядом.

– Здорово, земеля, – нарочито бодро откликнулась я.

– Что, тоже наши? – Мужичок чуть приподнял белесые бровки и огляделся.

Прочие задержанные выглядели как стопроцентно не наши, и он поправился:

– Наша.

Меня появление соплеменника, с одной стороны, порадовало: хоть поболтать с кем будет. С другой стороны, было непонятно, о чём мне болтать с этим некрасовским персонажем? О ценах на рожь и падении надоев?

«Эй, что за снобизм! – прикрикнул мой внутренний голос. – Не суди по одежке – возможно, этот парень большой интеллектуал! Вспомни Ломоносова!»

– М-да, прямиком из Холмогор, – пробормотала я, еще раз оглядев соплеменника.

И тут объявился переводчик – к сожалению, не во плоти, а только по телефону.

Усталый женский голос с мучительным акцентом информировал меня о том, что виза моя оформлена с нарушениями правил въезда в Шенгенскую зону, а посему лететь мне ближайшим рейсом до дома, до хаты.

Я проявила пресловутую баранью настойчивость и заставила переводчицу сначала выслушать мои резоны, а затем и довести их до сведения уважаемых полицейских (или пограничников). На это уважаемые и заметно утомленные пограничники (или полицейские) сказали, что рассмотрят возможность отправки меня не на восток, а на запад только в том случае, если мои особые обстоятельства им авторитетно подтвердят посольство. Телефонный номер участка мне любезно написали на квадратной бумажке с липким краем, и я бережно спрятала ее в бумажник.

– Конечно, подтвердит! – обрадовалась я и снова потянулась за телефоном, но вызвать кавалерию не успела.

Не дожидаясь дальнейшего развития событий, полицейские настоятельно предложили покинуть участок и вывели под конвоем в транзитную зону аэропорта.

– Ит энд дринк! – Мой конвоир махнул рукой направо, любезно указывая мне направление к кормушке и поилке.

– Данке шен, я разберусь, – пообещала я, опускаясь в ближайшее кресло.

Есть и пить мне расхотелось ввиду гораздо более неотложной необходимости поднять по тревоге прогрессивную международную общественность.

23 января, 23:40

Часа два-три я головы не поднимала, перезваниваясь и переписываясь с коллегами-журналистами и сотрудниками посольств, пока наконец не уверилась, что сделала все, что смогла.

Добрые посольственные люди пообещали отправить в участок бумагу-ходатайство, а журналисты так утомили венских полицейских звонками с вопросами о моей судьбе, что им почти пообещали: все решится наилучшим образом.

Правда, что считать таковым – не уточнили.

Часом Икс определили девять утра.

Я приготовилась ждать.

24 января, 01.30

Я отыскала на первом этаже аэровокзала просторное помещение, скучно меблированное полицейской будочкой и креслами без разделительных перегородок.

В будочке кто-то шуршал, диванчики пустовали.

На наиболее мягким из них я свила себе малоразмерное гнездышко из куртки и шарфа, сунула под голову сумку, накрыла лицо капюшоном и погрузилась в зыбкий тревожный сон.

24 января, 3.30

– Панини с ветчиной, – сонным голосом пробормотал Феликс, опуская тарелку на середину стола.

Он уже забыл, кому из посетителей предназначался именно этот заказ, но надеялся, что сами-то они об этом помнят. Сами-то они вряд ли провели на ногах почти двенадцать часов и уж точно не бегали при этом туда-сюда с тяжело нагруженным подносом.

В глухой ночной час в кафе было тихо и сумеречно. Бармен Али сердобольно пригасил свет, чтобы не мешать дремать арабской мамаше с двумя маленькими детьми. Они расположились на единственном мягким диване, что чрезвычайно огорчило Феликса. Соглашаясь отработать две смены подряд, он рассчитывал не только на дополнительную оплату, но и на этот диван. Первый утренний рейс в аэропорт австрийской столицы прибывал в 05.15, и в глухой предутренний час кафе частенько пустовало, так что утомленный официант вполне мог покемарить час-другой в ненадежном укрытии за диванной спинкой.

– Я просил панини без мяса, с яичным салатом! – закапризничал клиент.

Тыфу ты, точно, он же спрашивал вегетарианскую кухню!

Феликс мысленно выругался, молча подхватил тарелку и пошел к барной стойке.

Нависающий над ней в неустойчивом равновесии Али открыл один глаз.

– Панини без ветчины, с яичным салатом, – информировал его Феликс и, дожидаясь, пока Али сделает новый бутерброд, развернулся к залу лицом.

Спящие на диване клиентами не считались, а кроме них в кафе было только два человека. За одним столиком зависли два парня – один напротив другого, неподвижные, как статуи.

Сразу видно – случайные люди, между собой не знакомые и не жаждущие общения. Зачем вообще за один столик сели, если мест полно? Непонятно.

Тот мужик, что в дурацкой шапке, закрыл глаза и повесил голову, по самый нос утопив лицо в витках толстого шарфа. Второй – капризный любитель здоровой веганской пищи – молитвенно сложил ладошки и энергично шевелил губами. Ишь ты, просит благословить его насущный яичный салат!

– Слушай, Али, а разве веганство – оно не из Индии? – не оборачиваясь, спросил Феликс шуршащего за его спиной бармена.

Али работал в кафе аэропорта уже пять лет и навидался всякого и всяких. Он уверенно мог определить племенную принадлежность и вероисповедание иностранного гостя по манере повязывать головной платок и постановке пальцев на вилке.

– Не веганство, а вегетарианство, – авторитетно поправил бармен. – Он же яйца ест!

– И молится перед едой, как католик, – заметил Феликс.

– А почему бы ему не быть католиком? Одна из базовых мировых религий. – Многомудрый Али пожал плечами и стукнул дверцей микроволновки. – А вегетарианец – он и в Африке вегетарианец.

– А этот парень из Африки? – Феликс оживился. – Али, ну, как ты это узнаешь?

– Да по загару. – Бармен поставил на стойку тарелку с новым бутербродом. – Такой глубокий шоколадный загар европеец только из Африки привезет. Хорош болтать, неси заказ.

– Похоже, поздно, уходит наш шоколадный!

Вегетарианец со скрежетом отодвинул тяжелый стул, встал, забросил на плечо небольшую сумку и решительно зашагал прочь. Его кемарящий визави в ушанке и шарфе даже не шелохнулся.

– Ну вот, не дождался! – расстроился Феликс, смекнув, что оплату этого заказа тоже вычтут из его зарплаты.

– Ешь сам, – хмыкнул Али, подтолкнув к нему две тарелки с невостребованными бутербродами.

Глубоко обиженный на весь мир Феликс со своими панини устроился за самым дальним столиком спиной к залу и не увидел, как «сонный» тип в шапке и шарфе неожиданно легко поднялся и зашагал вслед за вегетарианцем.

24 января, 5.00

Я узнала: если в пять утра кто-то звонит и неинформативно мычит в трубку, это не звоночек из сумасшедшего дома. Это ребенок прочитал повесть Тургенева «Му-му», проникся и на себе испытывает, каково это – общаться, будучи глухонемым.

И почему я-то не заткнула уши?

Могла бы еще поспать...

24 января, 5.30

Спалось мне плохо.

В просторном зале свободно гуляло эхо: стоило кому-то прощокать каблуками или стукнуть дверью, и простые звуки складывались в могучую симфонию. К тому же никому не пришло в голову на ночь выключить в пустом помещении свет, и мне пришлось накрывать лицо сложенным втрое шарфом.

А еще я даже во сне беспокоилась о сохранности своей сумки, потому как кто-то из посольских заботливо предупредил меня, что в аэропорту воруют.

Я долго не могла уснуть, потом задремала, но была разбужена звонком Колюшки, который привычно встал в семь по московскому времени, потом опять провалилась в сон – и тут

с нервирующим дребезжанием разъехались стеклянные двери, и в зал холодным течением влилась толпа пассажиров из подъехавшего автобуса.

Сразу стало зябко и шумно.

Я со вздохом стянула с лица шарфик и села, отчетливо скрипнув поясницей.

Ох, так и до радикулита недалеко!

Мимо моего ложа потянулся поток разноплеменных граждан с чемоданами на колесиках. На меня они не смотрели, но я все же смущилась. Я, конечно, известная писательница, но у меня нет привычки принимать народные толпы в будуаре.

«Отставить! – встрепенулся внутренний голос, презрев мой порыв достать расческу и привести себя в порядок. – О красоте потом подумаешь, на свободе. Видишь эти ворота?»

– Ни за что! – угадав недосказанное, решительно ответила я. – Я не побегу из аэропокзала на летное поле под прикрытием толпы. Не вижу смысла.

«Да ты вспомни, сколько случаев, когда предприимчивые люди тайно забирались в самолеты и улетали в другую страну в отсеке шасси!» – загорелся мой внутренний голос.

То есть я пыталась поспать, а мое подсознание не дремало и строило планы побега?

– А сколько случаев, когда те самые люди долетали живыми? – парировала я.

«Один вот совсем недавно был, и как раз тут, в аэропорту Швехат, – не спасовало подсознание (что-то все-таки есть в Иркиной версии про Овна). – Гражданин Румынии зайцем прилетел в Вену и даже почти не обморозился!»

– Я помню этот случай, – призналась я. – Но тому гражданину повезло, что всю дорогу была непогода, самолет летел ниже грозового фронта, и потому забортная температура была не самой низкой.

«По прогнозу, надвигается снежная буря», – напомнил мой внутренний голос.

– Нет! – воскликнула я. – Нет – и все тут.

А воображение живо нарисовало мне мой хладный склокоженный труп, заиндевелым кренделем с мелодичным звоном вываливающийся на летное поле пражского аэропорта из отсека шасси.

Нет уж, не надо мне такого перформанса!

«Хотя это привлекло бы внимание к твоей презентации», – тихо-тихо шепнул еще внутренний голос.

И воображение быстренько приствило мое обледеневшее тело к витрине с новой книжкой, пририсовав сверху броский баннер с темой для дискуссии: «Убийственное политическое похолодание в Европе! Будет ли оттепель?»

– Вот заразы, – шепотом обругала я сладкую парочку – воображение с подсознанием.

Умеют ведь смело помыслить и красиво подать!

Усилием воли я подавила опасные свободолюбивые порывы и сосредоточилась на прозаическом. Хотелось есть, пить и, извините, в туалет.

Я пожалела о том, что не удосужилась заранее разведать, где находится ближайший клозет, и заторопилась на поиски этого нужного места.

Венский аэропорт Швехат – один из крупнейших в Европе. Расстояния от одного выхода до другого там такие, что на указателях, помимо направления, приходится писать и время в пути из пункта в пункт: двадцать минут, тридцать минут, даже сорок! При этом стыковки в Вене поразительно короткие, так что у меня есть подозрение, что тестировали дистанции нигерийские бегуны.

До ближайшего туалета я добежала за двенадцать минут: не рекорд, наверное, но определенно хорошее время.

К сожалению, сервисные службы аэропорта явно использовали иные расчетные показатели. Вероятно, в столь ранний час наплыва страждущих в сортиры не предвиделось, и на двери дамского туалета висела табличка с выразительным изображением ведра и швабры.

Я подергала дверную ручку – заперто!

Переместилась к туалету для инвалидов – тоже заперто!

Тогда я пытливо посмотрела на дверь с изображением мужского силуэта.

Неловко, конечно, вламываться к уважаемым джентльменам, а что делать? До следующего туалета я не добегу!

«В конце концов, зря они тут, что ли, провозглашают равенство полов?» – риторически вопросил мой внутренний голос.

Я огляделась.

А, ладно! Может, там и нет никого!

Я толкнула дверь мужского клозета, заглянула в щелку, никого не увидела и вторглась на гендерно чуждую мне территорию.

В мужском туалете было чисто, тихо и пусто.

Интерьерный дизайн не впечатлял: белые умывальники по левую руку уравновешивались белыми же писсуарами по правую, вдоль коридора располагались кабинки, по две с каждой стороны. Лишь одна из четырех дверей выразительно краснела сигнальным просветом замка, три кабинки были свободны.

Я тихонечко посеменила к ближайшей двери и замерла на цыпочках, как балерина в роли маленького пугливого лебедя, услышав поблизости мучительный басовитый кряк и характерную трубную руладу пущенных газов.

Звук был раскатистый, мощный, под стать Гераклу.

– Фу-у-у! – прошептала я, помахав у носа ладошкой.

Хотя вообще-то никакого дурного запаха не почувствовала.

«Ты не фукая, ты быстро делай то, зачем пришла, и уноси ноги, пока этот клозетный мученик не закончил свою газовую атаку, – ехидно посоветовал мне внутренний голос. – Сейчас-то он тебя не видит и не слышит».

Я не стала спорить, уединилась в кабинке и тихонько там пожурчала. Натянула джинсы, стала застегивать ремень, локтем зацепила собственную сумку, ненадежно повешенную на специальный штырек, и свалила ее на пол!

О нет!

Дизайнер, оснастивший кабинки мужского сортира прямыми шпеньками вместо нормальных крючков, явно не рассчитывал на визит прекрасной дамы.

А зря!

Вы когда-нибудь роняли с полутораметровой высоты на кафельный пол кожаную женскую сумку типа «торба», без застежки, объемом примерно в треть куба, наполненную нужными вещичками почти до краев?

Если роняли, то легко представите себе и звук, с каким моя ручная кладь ударились об пол, и взрыв, подобием которого выплеснулись наружу разные мелкие предметы.

Трах-тарарах!

Ручка, флешка, визитница, очечница, помада, тушь, связка ключей, мобильник, пудреница, строительная рулетка (блин, откуда у меня в сумке строительная рулетка?!?) – все это богатство шумно раскатилось по полу, не ограничившись пределами кабинки.

Я застыла как соляной столб, готовясь к небывалому скандалу.

Никогда.

Никогда в жизни меня не выгоняли с позором из общественных заведений!

И надо же мне было начать с наихудшего варианта – с мужского туалета! Да еще и в чужой стране, не слишком дружественной моей исторической родине!

«Вот это я понимаю, эффектная будет депортация!» – восхитился мой внутренний голос.

Воображение не оплошало и подходящими слушаю и месту мрачными красками нарисовало мне живописное полотно «Геракл с кишечными спазмами, выдворяющий из клозета мелкую фурию». В образе выдворяемой фурии была представлена, естественно, я.

Уже почти чувствуя, как меня берут за шкирку, я втянула голову в плечи и зажмурилась.

Четким стаккато прокатился по кафелю граненый тюбик туши для ресниц, и стало тихо-тихо.

«Может, он там умер?» – с надеждой вопросил мой внутренний голос, имея в виду подозрительно затихшего страдальца Геракла в соседней кабинке.

– Э-э-э, м-м-м, о-о-о! – донеслось из-за перегородки.

«Жив, но так занят, что ему не до меня!» – сообразила я.

И побежала по сортиру в полуприседе, торопливо собирая свои вещички.

Нашлось, конечно же, не все. По закону подлости затерялось самое нужное: губная помада, пудреница и мобильник.

Несмотря на то что мне, как нормальной (хочется верить) женщине, очень хотелось поскорее привести себя в порядок, в связи с чрезвычайной ситуацией (угрозой позорной депортации из чужеземного мужского туалета) я готова была пожертвовать даже дорогими сердцу и кошельку косметическими принадлежностями. Однако мобильник необходимо было отыскать любой ценой.

Я заглянула во все кабинки, кроме той, со спазматическим Гераклом. Он все еще помалкивал. Возможно, релаксировал по окончании долгого и трудного процесса.

Я закусила губу, исподлобья посмотрела на дверь чужой кабинки и вернулась в условно свою.

Вздохнула, опустилась на корточки, медленно-медленно (чтобы ОН боковым зрением не заметил движения) просунула ладонь под перегородку и осторожно охлопала пол, каждую секунду ожидая, что меня буквально схватят за руку. Этого не случилось, зато я нашла пудреницу. Она не разбилась и даже не треснула!

К сожалению, перегородка отстояла от пола сантиметров на десять-двенадцать, не больше, а это расстояние не позволяло мне заглянуть в кабинку снизу. Плотно прижиматься щекой к туалетному полу я не хотела, да и вряд ли смогла бы извернуться должным образом.

Мысленно посетовав на то, что я не гуттаперчевая женщина-змея, я раскрыла счастливо обретенную пудреницу и попыталась использовать ее как перископ.

«Свет мой, зеркальце, скажи да всю правду доложи!» – приговаривала она, стоя на четвереньках, – отстраненным голосом непредвзятого летописца пробубнил на задворках сознания мой внутренний голос, но я не отвлеклась.

Самодельный перископ показал мне поношенные замшевые туфли и плоский черный параллелепипед, который не мог быть ничем иным, кроме как моим мобильником.

Я осмелела, сделала резкий выпад и выхватила его буквально из-под ног в потертой замше.

Все, ходу, нечего тут задерживаться, потерю помады я как-нибудь переживу!

24 января, 06.05

– Лея, а из мужского туалета тетя выбежала! – потянув за полу куртки старшую сестру, сказал маленький Курт.

– Идиот, – не отрывая глаз от экрана смартфона, огрызнулась Лея. – Значит, это не тетя, а дядя-гей. Тебе уже шесть, пора разбираться в реалиях современного мира!

– Лея, не груби брату, – строго сказала мама, тоже не отрываясь от смартфона.

Маленький Курт вздохнул и повесил голову. Своего смартфона у него еще не было, приходилось искать развлечения в реальности современного мира.

24 января, 06.06

С торбой в одной руке и телефоном в другой я вихрем вылетела из туалета и очень удачно затерялась в большой группе британских школьников. С ними я дошла до ближайшего табло вылетов и там остановилась, чтобы изучить расписание рейсов на Прагу и Краснодар – я ведь пока не знала, куда полечу.

В столицу Кубани самолеты Австрийских авиалиний летали раз в день, ближайший рейс был в 9.50. А в Прагу можно было улететь в 12.20 и в 18.40.

Я с интересом рассматривала табло, мысленно прикидывая, куда бы я хотела полететь, если бы была абсолютно свободна от всяческих обязательств. Ну и от ограничений, наложенных на меня австрийской полицией, конечно. Может быть, на Багамские острова? В Париж? Или в Берлин?

«Может, в Москву?» – экономно предложил вариант побюджетнее мой внутренний голос.

На табло как раз появилась информация о прибытии рейса из столицы России.

– Вот еще! – Я помотала головой и скривилась.

Если бы я хоть чуточку хотела в Москву, составила бы компанию Ирке. Она улетела туда позавчера. С кислой миной и с близнецами под мышками, но без Моржика.

Моржик (это Иркин муж, а не животное) категорически отказался принимать участие во всероссийском слете Иркиной родни, мотивируя свой отказ невозможностью сохранить рассудок в присутствии такого множества некрасовских женщин – тех, знаете, которые коня на скаку и в горящую избу.

Моржик сказал, что он лучше сам отправится в любую горящую избу планеты, вообще куда угодно, даже в иной мир, но только не на этот семейный слет.

У Ирки, понимаете ли, две сестры, три тети, мама, бабушка и бабушкины сестры, и все они здоровенные горластые бабы, способные завалить мамонта хоровой песней.

Я уверена, что Иркина порода уходит корнями в глубинные слои палеолита, и доисторический матриархат был придуман и безжалостно насажден ее родными прабабками.

Кстати, поводом для их слета послужил как раз юбилей одной из бабусь.

Я улыбнулась, представив себе толпу Иркиных разновозрастных копий, и вдруг увидела любимую подругу совсем как живую.

В трещащем на мощной груди модном войлочном френче и клетчатой юбке с бахромой, с развевающейся рыжей гривой, в классных замшевых сапожках а-ля любимая девушка Чингачгука, Ирка быстро шагала по коридору, а казалось, что по тропе войны. Под мышкой, где обычно помещается кто-то из близнецов, она держала объемистую сумку, а в кулаке сжимала мобильник, который то потряхивала, как шейкер, то подносila к уху и хмурилась.

Картинка была такая реалистичная, что я не смогла не похвалить свое воображение:

– Ну ты даешь!

И тут воображаемая Ирка увидела меня и радостным людоедским голосом вскричала:

– Ах, вот ты где!

– Ты что, настоящая? – вытаращилась я.

– А то! Живее всех живых!

Подруга самодовольно улыбнулась и раскрыла мне объятья.

Сумка ее шлепнулась на пол, запнувшийся о сумку гражданин из той колонны, в которой шествовала Ирка, тоже шлепнулся на пол, и я поверила: да, это не сон!

Мне еще никогда не снились индусы, яростно ругающиеся на пиджин-инглиши.

– А что с твоим телефоном? – Подруга посмотрела на свой мобильник, потом на меня.

А, так она мне звонила?

Я тоже посмотрела на ее мобильник, а потом на свой. Разжала кулак – и тут мой аппарат исторг из себя серию отвратительных и постыдных звуков:

— А-а-а-а! Ы-ы-ы-ы! М-м-м-м...

Как будто в моем мобильном спрятались хворые гномы! Все семь, и все с расстроеными желудками.

В толпе, обтекающей нас с Иркой, послышались смешки, и я жутко сконфузилась.

— Ого! — сочувственно крякнула моя подруга. — Что, плохо тут у вас с кормами?

— С мозгами у нас плохо, — слабым голосом откликнулась я, с тихим ужасом созерцая позорно кряхтящий мобильник и понимая, что это не мой телефон!

«То есть ты стирила мобилу у Геракакла?» — нехорошо развеселился мой внутренний голос.

А так и было!

— За мной! — скомандовала я Ирке, срываясь с места.

Подруга послушно прогалопировала следом.

С мучительным скрежетом — на повороте меня занесло — я влетела в знакомый закуток и ворвалась в мужской клозет.

— Ого! — повторила Ирка, топая за мной след в след.

Одинокий джентльмен у писсуара ахнул и дернулся, потеряв управление процессом.

— Пардон, мусью! — конспиративным басом рявкнула смышеная Ирка.

Мы вломились в кабинку.

— Подвинься! — Я оттолкнула габаритную подружку и привычно пала на колени.

Сунула руку под перегородку, нашупала замшевый башмак. Похоже, он не стронулся с места.

Хлопнула дверь, выпуская многословно негодящего подмоченного джентльмена.

— Держи дверь, чтобы никто не вошел! — скомандовала я Ирке, привычно сооружая перископ из пурпурницы.

И вот за что я особенно люблю свою лучшую подругу — в критическую минуту она действует, а не болтает.

— Держу!

Ирка плотно привалилась к двери в сортир круглым боком.

Можно было не сомневаться, что рубеж надежно защищен: в моей подруженъке сто пятнадцать кило живого веса. Без стенобитных орудий никто в туалет не ворвется!

С верным пурпурническим перископом наготове я влезла ногами на унитаз и вытянула руку с зеркальцем, стараясь заглянуть в соседнюю кабинку.

Заглянула. И чуть не сверзилась с унитаза, увидев запрокинутое к потолку желто-коричневое лицо с отвисшей челюстью и выпученными глазами.

— Что? Что там?! — страшным шепотом спросила Ирка.

— М-м-м...

— Да не мямли!

— М-мертвяк!

— Да ладно??!

Ирка шагнула к кабинке.

— Стой, где стоишь! — бешено рявкнула я и осторожно — коленки затряслись — спустилась с унитаза.

Оторвала длинную полосу туалетной бумаги и тщательно протерла ею со всех сторон чужой мобильник, предварительно обильно на него поплевав.

«А вот это ты зря, слюна — прекрасный материал для генетического анализа», — включился мой внутренний голос.

— И то правда!

Я секунду подумала, примерилась и аккуратно уронила чужой аппарат в унитаз.

— Что ты там делаешь?

Ирка с вытянутой шеей была похожа на гибрид слона и жирафа.

– Уничтожаю следы.

Брезгливо морщась, я выудила мобильник из воды, еще раз энергично потерла его бумагой и забросила туда же, откуда взяла – в соседнюю кабинку.

Наружная дверь, прижатая Иркиным боком, завибрировала.

Кому-то сильно приспичило.

– Слушай сюда! По моей команде отпустишь дверь и запрыгнешь в ближайшую кабинку, – решительной скороговоркой распорядилась я. – Тот, кто за дверью, войдет в сортир, а мы будем ждать, пока он справит нужду и выйдет. А потом мы убежим!

– А если он не по малой нужде, а по большой? – резонно уточнила Ирка.

– Тогда подождем, пока он запрется в свободной кабинке, а потом все равно убежим!

– Согласна.

– Тогда давай на счет «три».

Я закрыла дверь своей кабинки и из нее прокричала:

– Раз… Два… Три!!!

Топ, топ, бряк.

Скрипнула дверь, по кафелю звонко прошлепали подошвы, щелкнул замок кабинки.

Мы с Иркой синхронно выскочили из сортирных келий и бок о бок вылетели из туалета, едва не сбив, как кегли, компанию индусов в нарядных чалмах.

24 января, 06.40

– Лея, из мужского туалета выбежали две тети. Они дяди-геи, да? – потянув за полу куртки старшую сестру, сказал наблюдательный мальчик Курт.

– Молодец, быстро учишься, – не отрывая взгляда от экрана смартфона, сказала Лея.

– О, гей? А, гей! – заметно успокаиваясь, обменялись репликами индусы.

Через десять минут они улетели в родной Мумбаи, унеся с собой шокирующие знания о европейской половой распущенности и лишив полицию Австрии возможности получить бесценные свидетельские показания.

24 января, 06.45

– Куда… бежим? – с трудом нагнав меня, в два приема выдохнула Ирка.

Я затормозила и огляделась:

– Туда!

– Что, снова в туалет?!

– Да, но на этот раз – в женский!

Никакой очереди к санитарно-техническим удобствам для дам, слава богу, не было, и мы с подругой без помех обосновались в соседних кабинках.

– Тебе сюда срочно понадобилось или как? – спросила Ирка, деликатно постучав в перегородку.

– Мне надо подумать, – ответила я.

– А, извини, не мешаю.

– Да не в том смысле «подумать»! Не справить большую нужду, а пошевелить извили-нами!

– Тоже хорошее выражение. – Ирка нервно хихикнула.

– Эй, хорош прикалываться! – потребовала я. – Мне совершенно не смешно! Какие шутки, в самом деле? В той кабинке на унитазе сидел покойник!

– Это я поняла. – Подружка снова хихикнула.

Истерика у нее, что ли? Нет, ей рано дергаться, истерика должна быть у меня.

– А кто это был? – спросила Ирка.

– Понятия не имею! Мы же не успели познакомиться! – язвительно ответила я. – Слишком поздно, к сожалению, встретились – уже после его смерти!

– Как интересно! Не расскажешь по порядку?

– Ну отчего же не рассказать, расскажу.

Я набрала побольше воздуха, чтобы хватило на длинную тираду, и выдала:

– Мне захотелось в туалет, женский был закрыт на уборку, я пошла в мужской, случайно уронила там сумку, рассыпала по всему полу свое барахло, стала его собирать, вместо своего мобильника по ошибке подобрала чужой и поняла это только тогда, когда он начал пукать, как лошадь с газами!

– Даже я знаю психов, которые так делают, – заметила Ирка. – В смысле устанавливают на своем телефоне очень странные звуки вместо звонка.

– Боюсь, это не тот случай, – возразила я с нескрываемым сожалением. – Понимаешь, мобильник этого типа работал не как телефон, а как проигрыватель.

– Это что значит?

– Это значит, что он воспроизводил звукозапись, вернее, закольцованные серии записей, объединенную в плейлист, – объяснила я так, как сама поняла.

– Даже я не знаю психов, которые так делают! – Ирка покрутила головой и немножко помолчала. – А как он выглядел, тот парень, как самый натуральный идиот?

– Как человек, который умер не один час назад. – Я тоже помолчала. – Точнее, которого убили.

– Уби-и-и-и-или?!

В соседней кабинке что-то стукнуло и после серии длинных шорохов раздался требовательный голос свыше:

– А ну, посмотри на меня!

Я подняла голову и встретилась взглядом с подружкой, вознесшейся над перегородкой на пол-головы.

– Ты не шутишь?

– Слезь с унитаза, раздавиши пластмассовую сидушку, – машинально сказала я. И тут же рассвирепела: – Что? Ну что ты смотришь на меня, как Ленин на буржуазию?! Нет, я не шучу! Ясно же, что кто-то специально оставил в кабинке с трупом мобильник, периодически пукавший и кряхтящий, как живой человек! Чтобы никто не подумал, что там мертвый! Вообще-то это просто гениальный способ оттянуть момент обнаружения трупа и затруднить определение времени смерти…

– То есть убийца большой молодец, не дурак, – согласилась Ирка. – А теперь – кстати, о дураках, – я задам тебе очень неудобный вопрос. Ты готова?

– Не уверена.

– Ладно, все равно задам.

– Ну?

– Ну вот: а свой мобильник ты нашла?

И тогда я длинно и витиевато выругалась на пиджин-инглиш и разных других живых и мертвых языках.

Продолжить увлекательную беседу на тему «Кстати, о дураках» не получилось, потому что в туалете уже выстроилась очередь и нам с Иркой пришлось освободить кабинки.

Мы решили совместить приятное с полезным и пошли в кафе – совещаться и завтракать.

Я, правда, была очень расстроена и думала, что мне кусок в горло не полезет, но Ирка сказала, что поесть все равно необходимо, потому что непонятно, как дальше сложится моя судьба. Вдруг меня вскоре арестуют по подозрению в убийстве? Тогда я еще не скоро получу нормальное горячее питание.

От этих ее слов у меня вовсе пропал аппетит.

24 января, 07.05

На двух иностранок Феликс обратил внимание не потому, что они сделали какой-то особый заказ – ничего особенного в меню кафе-забегаловки не имелось. Два панини с ветчиной, два капучино, один маффин, одна порция бельгийских вафель с карамельным сиропом и мороженым – банальный набор.

Правда, одна из иностранок спросила, возможно ли взять горячий суп навынос и жа-тельно в термосе, но на отказ не обиделась и настаивать не стала.

– Клаус, – спросил Феликс дежурного бармена, сменившего всезнайку Али, – разве их пустили бы в самолет со своим горячим супом?

– Никогда, – лаконично ответил Клаус, полируя бокалы.

– Тогда зачем им горячий суп в термосе? – Феликса обуяло любопытство.

– Долгая стыковка? – предположил немногословный Клаус.

– Предположим, – Феликс кивнул, – но они могли бы снова прийти к нам в кафе и съесть горячий суп за столом, из тарелки!

– Ну а если будет очередь?

– Ну а куда им спешить?

– Ну а если не будет супа?

– Ну а почему это у нас не будет супа?

– Ну а если весь съедят?

– О!

Феликс вспомнил, какой наплыв клиентов был в кафе в те два дня, когда авиасообщение прекратилось из-за извержения исландского вулкана с непроизносимым названием.

– Думаешь, есть вероятность отмены вылетов? Что, было штормовое предупреждение?

– Ну было.

– Вот шайзе!

Осознав, что его изматывающая двойная смена может ознаменоваться сумасшедшим апшлагом в кафе, Феликс расстроился и подсознательно перенес свое недовольство на клиента. Поглядывал на них, сердито хмурясь, потому и запомнил.

24 января, 07.30

Ирка все-таки заставила меня поесть, но настроение мое от этого ничуть не улучшилось.

Я понимала: если рядом с трупом найдут мой мобильник, то в ближайшее время я никуда не полечу. Ни в Прагу, ни домой! Как минимум меня будут долго допрашивать, как максимум – отправят под суд как соучастницу преступления. Я же лапала пол под ногами жертвы, там полно моих следов!

Мне казалось, что меня вот-вот повяжут.

Атмосфера враждебности сгустилась до стадии «весь мир против меня». Даже официант в кафе зыркал на меня так, словно точно знал, что это я убила того типа в туалете, причем тип тот был его дорогим и любимым родственником!

– Отставить паранойю, – постучав по краю тарелки вилкой, строго сказала мне Ирка. – Не время психовать, время действовать! Вспомни про лягушку в горшке!

В связи с последними трагическими событиями упомянутый горшок у меня закономерно проассоциировался с сантехникой, а лягушка – с пучеглазым мертвым парнем, так что я сильно вздрогнула и с чувством вскричала:

– Век не забуду!

– Это хорошо, – одобрительно кивнула Ирка. – Классику надо знать и помнить.

– Классику чего?

Я покосилась на нее с подозрением.

Если речь идет о классике такого серьезного преступного жанра, как убийство, то не желаю я просвещаться, спасибошки! Зачем мне подобное классическое образование? Я же не готовлюсь в профессиональные киллеры!

– Классику художественной литературы, разумеется, а ты о чем подумала? – тоже с подозрением спросила Ирка.

По моему лицу, наверное, было видно, что я не вижу в текущей реальности параллелей с литературной классикой.

«А как же вполне уже классическая идиома «мочить в сортире», авторство которой принадлежит нашему уважаемому президенту? – влез с репликой мой внутренний голос. – А развернутая фраза, помнится, звучала и вовсе как провидческий анонс: «Мы будем преследовать террористов везде. В аэропорту, так в аэропорту. Значит, вы уж меня извините, мы в туалете их поймаем, в сортире их замочим!»

– Ирка, ты на что намекаешь? – наморщив лоб, спросила я. – На то, что мы имеем дело не с одиноким преступником, а с мощной спецслужбой? Мне не нравится такая смена формата, это не наш с тобой уровень!

– Ты это о чем? – Подружка захлопала ресницами.

– А ты о чем?

– Я – о классической литературе! Ну же, вспомни! – Ирка пощелкала пальцами перед моим носом. – Кажется, у Льва Толстого есть рассказик про лягушку, которая свалилась в горшок со сливками, но не утонула, потому что не сложила лапы. Она отчаянно дергалась до тех пор, пока не сбила из сливок твердое масло, а тогда смогла выпрыгнуть из горшка!

– Ах вот оно что! Ты предлагаешь нам подергаться? О'кей, на это я согласна.

Я наклонилась через стол и зашептала:

– Надо забрать из мужского сортира мой мобильник и замести следы! Но ты же видишь, что народу в аэропорту заметно прибавилось, так что туалеты отнюдь не пустуют. Если я сунусь в тот клозет – возмущенные мужики вытолкают меня взашей!

– Тоже согласна.

Ирка допила свой кофе и резюмировала:

– Нам срочно нужен мужик!

Это у нее получилось слишком громко.

– Красавица, а я не подойду? А я? А мы? – радостно завопили за соседним столиком.

Ирка пристально посмотрела на отзывчивых джентльменов.

– Не смотри на них так, словно и в самом деле выбираешь! – зашептала я, пока веселые и отзывчивые наперебой нахваливали себя, навязываясь в близкие друзья моей подруге.

– Спасибо, как-нибудь в другой раз! – громко сказала Ирка и отвернулась от мужиков. – Нет, эти нам не годятся. У них компания, любой секрет моментально станет общим достоянием, а такую толпу свидетелей нам не обезвредить.

– Тем более что с киллерской классикой мы пока и вовсе не знакомы, – поддакнула я. – Итак, подведем итоги: нам нужен такой помощник мужского пола, который не станет свидетельствовать против меня, потому что улетит в свои дальние страны раньше, чем у полиции возникнут вопросы. Логично же?

– Логично. Давай посмотрим на табло и узнаем, какой самолет улетает в ближайшее время, а потом пройдем в тот гейт, откуда будет посадка на тот самолет, и слезно попросим какого-нибудь мужика сгнать в мужской сортир за твоим телефоном! – предложила Ирка. – А чтобы ему не пришлось там шарить по углам, облегчим ему поиски, позвонив на твой мобильный с моего!

– Гениально! – совершенно искренне оценила я этот план.

И мы пошли изучать расписание вылетов.

24 января, 07.50

— Лея, те тети, которые дяди-гей, опять пришли! — сказал своей старшей сестре востро-глазый мальчик Курт.

— Ма, тебе не кажется, что твой любимый сын слишком много говорит о геях? — толкнула локтем маму ехидная Лея.

— Возможно, стоит обратиться с психологу, — не отрываясь от смартфона, кивнула ее мать.

24 января, 07.51

— Стоп. Ты слышала, что сказал этот мелкий засранец?

Ирка резко остановилась и нехорошо посмотрела на семейство, плотно оккупировавшее лавочку на три посадочных места.

— Нет, а что он сказал?

— Он сказал, что мы геи!

Ирка возмущенно засопела.

— Он сказал, что мы тети и одновременно дяди, как трансвеститы какие-нибудь!

— Ерунда, ты просто не расслышала или неправильно поняла, — отмахнулась я от столь явной глупости. — Ну какой из тебя, например, трансвестит?

— Впечатляющий, — посмотрев на свое смутное отражение в темном мраморе стены, сказала Ирка с неуместным кокетством. — А из тебя — вполне обычный.

— Ты хочешь сказать, что я похожа на мужика?!

— Наоборот! Хотя… А это ведь идея!

Подружка схватила меня за руку и потянула.

— Куда ты меня тащишь?

— В туалет!

— Что, опять?! Нет!

— Да! Но сначала в женский!

Семипудовая Ирка с легкостью преодолела мое сопротивление, и вскоре я в очередной раз оказалась в уборной.

Интересно, кто-нибудь еще совершил такую обстоятельную экскурсию по сантехническим достопримечательностям австрийского аэропорта Швехат?!

24 января, 08.15

Хорошая новость: я не единственная, кто носит в сумке странные вещи.

У подруги моей в коричневом замшевом ридикюле, похожем на молодого шарпеля со скобами на зубах, строительной рулетки не было, зато нашлось колечко скотча.

С его помощью мы закрепили над моей верхней губой рыжий локон из Иркиной роскошной гривы.

Между прочим, это многое говорит о настоящей женской дружбе! Не каждая дама пожертвовала бы для спасения подруги целый локон собственных, а не нарощенных, волос!

Плохая новость: на голове у Ирки эти волосы держались крепче, чем у меня под носом.

— Ничего, тебе понадобится пробыть в этом образе всего несколько минут, — успокоила меня Ирка, сноровисто собирая в высокий хвост на макушке мои собственные локоны.

Из-под вязаной шапочки, одолженной мне все той же бесценной подругой, хвост предательски выпирал, но Ирка проявила редкую изобретательность и ловко замаскировала его под помпон, схватив резинкой поверх ткани шапочки. В этой версии заурядный головной убор стал смахивать на какой-то этнический, так что при взгляде на меня любой бы понял, что перед ним гордый представитель неизвестной малой народности.

— Племя мумбу-юмбу, — невнятно пробурчала я, посмотревшись в зеркальце все той же бесценной пурпурницы.

– Что? – Ирка меня не поняла.

Накладные усы здорово портили дикцию.

– Мумбо-юмбо, – пояснила я. – Воображаемое племя в Африке. Я как бы из него.

– Ты недостаточно смуглолица, – возразила Ирка.

– И слава богу, – пробормотала я.

Одного смуглолицего я сегодня уже видела, он был мертв, как пень. Как сидячая статуя темного дерева.

– Шевелись! – поторопила меня подруга.

Свою куртку – она у меня двусторонняя – я вывернула наизнанку, чтобы тем, кто меня увидит в мужском туалете, моя верхняя одежда запомнилась не синей, а кислотно-зеленой. Мне хотелось стать максимально неузнаваемой.

А очки я надела сразу по двум причинам: чтобы лучше видеть и не перепутать свой мобильник с чужим еще раз и чтобы спрятать за стеклами-«хамелеонами» глаза. Потому что я точно знала, что мне захочется их спрятать, как только я окажусь в помещении, битком набитом писающими мужиками!

– Все, пора!

Командующая парадом Ирка вручила мне ленту туалетной бумаги, чтобы я скрыла за ней, как за носовым платком, неуместные в женской уборной казачьи усы.

Я мужественно сказала:

– Приступим!

И мы вышли из кабинки, старательно игнорируя удивленные взгляды дам, использующих туалетные кельи поодиночке и скучно, без выдумки, не то что мы с подружкой.

В коридоре я скомкала и сунула в карман джинсов свой туалетно-маскировочный платок и сурово воззрилась на дверь мужской уборной, собираясь с духом для марш-броска.

Ирка достала мобильный и сообщила:

– Так, я звоню тебе!

Я одернула курточку и шагнула к двери.

И тут случилось непредвиденное.

Дверь открылась, и из нее вышла уборщица.

Одной рукой она толкнула тележку, а в другой держала знакомый мне мобильник – осторожно, двумя пальцами, как дохлую мышку. И словно приветствуя мое появление, этот мобильник ожил и заиграл имперский марш из «Звездных войн» – позывной, установленный у меня на звонки подруги.

Моментально, без всяких раздумий и осмыслений, я поняла две важные вещи.

Нет, даже три!

Первое: у фрейлийн уборщицы мой телефон.

Второе: она несет его в полицию.

Я уже слышала раньше, по радио то и дело объявляли, что за забытыми или утерянными вещами следует обращаться в полицию аэропорта.

И третье: недопустимо, чтобы жуткий план этой ужасной женщины увенчался успехом!

Вильнув на ходу, я проскочила мимо гостеприимно открытой двери в мужской сортир, еще ускорилась и на бегу выхватила у уборщицы мусицирующий мобильник.

Ограбленная фрейлийн тихо взвизгнула.

Сообразительная Ирка громко вскричала:

– Боже, эти мумбоюмбы – настоящие дикари!

Умница подружка, создает ложный след!

Я еще поднажала и на скорости, очень близкой к первой космической, унеслась в неразличимую даль.

Нигерийских бегунов я наверняка посрамила.

24 января, 08.25

Добежав до ближайшего лифта, я спустилась этажом ниже.

По пути в кабинке я избавилась от маскировки, так что в зал ожидания на первом этаже вышел не рыжеусый мумбоюмбец в шапочке с помпоном и одеянии цвета бешеного кузнечика, а простоволосая блондинка в синей курточке.

Телефон свой я отвоевала вовремя: как раз проснулись и активизировались мои заступники в просвещенной Европе.

К тому моменту, когда ко мне присоединилась Ирка, я успела обменяться сообщениями с российским посольством в Вене и редактором газеты в Праге.

Посольские люди доложили, что отправили в полицию официальное ходатайство о признании моих обстоятельств исключительными, а редакторша посоветовала тянуть время и всячески уклоняться от депортации. Например, спрятаться во время вылета борта в Краснодар в туалете.

– НЕТ!!! – решительно ответила я ей по поводу туалета.

В туалетные прятки я уже на всю жизнь наигралась.

Тогда коллега посоветовала мне подумать о затяжном отправлении религиозного культа. Сказала – полиция не вправе прерывать религиозный обряд и, пока яобщаюсь с Господом, меня не депортируют.

«В прошлом году в аэропорту Праги не пускали в страну араба, у которого шенгенская виза заканчивалась на другой день. Так он расстелил посреди зала коврик и десять часов без перерыва стоял на коленях, крича: «Аллах акбар Чех репаблик!», пока его не пустили», – написала мне газетчица.

«У меня же нет коврика», – отговорилась я.

Уж не стала объяснять, что у меня нет желания часами бить поклоны в красном углу под табло с расписанием рейсов. Я не любитель однообразных физкультурных упражнений, даже если они облагораживают не только тело, но и душу.

Пришла Ирка, принесла мне, добрая душа, стаканчик кофе и шоколадку из автомата.

Мы расслабленно посидели, глядя на снегопад за окном. В зале ожидания на первом этаже одна стена была стеклянной, и в свете наступившего утра было видно, что на дворе, то есть на летнем поле, метет метель.

Наконец-то мы смогли спокойно пообщаться, и я спросила, каким таким чудесным образом Ирка вдруг оказалась в Вене?

– Ой, да какие особые чудеса? – поскромничала подруга. – Шенген у меня всегда имеется, деньги есть, и рейсов из Москвы в столицу Австрии по пять на день. Я подумала, что должна поддержать тебя в трудную минуту, и желательно не на расстоянии, и вот – прилетела.

– Спасибо, – искренне поблагодарила я.

– Кстати, в самолете я начала новый стихотворный цикл, – важно сказала подруга. – Это будет педагогическая поэма, я посвящу ее близняшкам.

– О! – обронила я, не определившись с верной реакцией на это сообщение.

Однажды я стала писать детективы, и Ирка, отстав от меня всего-то лет на пять, решила тоже податься в мастера слова, но во избежание вредной для женской дружбы конкуренции мудро выбрала не прозу, а поэзию.

Стихи у нее получаются своеобразные, издатели их пока не оценили, но в семейно-дружеском кругу Иркины опусы пользуются огромным успехом.

В минуту уныния нет ничего лучше, как послушать стишок-другой, только огульно критиковать эти произведения не стоит, потому что рука у поэтессы тяжелая и держать в ней она умеет не только перо. За бес tactный литературный анализ запросто можно схлопотать по высокому челу дубовой скалкой!

– Вот, послушай.

Ирка откашлялась и с воодушевлением продекламировала:

Вышли парни на крыльцо,
Чешут яростно...

– Ой, – малодушно вякнула я в ожидании сомнительной рифмы.

– Расслабься, это не то, что ты подумала, – скороговоркой пробормотала подружка и дочитала звучным голосом:

...Лицо!
Лица-то небриты,
Как у древних бриттов!

– «Бритты – небриты» – это очень интересная рифма, – похвалила я. – Редкая. Но не опережаешь ли ты события? Твоим парням всего по полтора года, тема бритья для них пока не очень актуальна.

– Когда она станет актуальна, воспитывать их по этому поводу будет уже поздно, – резонно возразила Ирка. – Пусть мои мужики заранее привыкают к мысли, что ежедневное бритье обязательно, а то меня совсем не радует перспектива каждое утро видеть за завтраком сразу трех дикобразов!

– Один из которых Моржик, – хихикнула я.

И запоздало спохватилась:

– Ой, а как же близняшки? Ты их бросила в Москве?!

Ничего себе! Чтобы поддержать одну подругу, Ирка покинула сразу двух родных детей!

– Не бросила, а временно оставила на попечение заботливых и любящих родственниц. У них там три тети, четыре бабушки и две прабабушки. – Ирка пожала плечами. – Есть кому на ручках подержать и кашку сварить! Да и я не надолго улетела, сейчас тебя провожу – и назад, в Москву-матушку.

Она проявила деликатность и не упомянула о том, что еще неизвестно, куда именно придется меня провожать, и я тоже не стала поднимать эту тему.

«В Краснодар или в Прагу? В Краснодар или в Прагу?» – гадал на облезлой, всего в два лепестка, воображаемой ромашке мой внутренний голос.

Мне очень хотелось его убить, но я давно уже опытным путем установила, что это невозможно.

Эта зараза не замолкает даже тогда, когда я сплю!

– Ты случайно не знаешь, как проходит стандартная процедура депортации? – обеспокоенно спросила я Ирку. – Хотелось бы мне заранее представлять, насколько это будет позорно. Надеюсь, меня не поведут через весь аэропорт в цепях и наручниках? Ты знаешь, я очень самолюбива и могу умереть от стыда.

– Серьезно?

– Нет. Но все равно не хочется позориться.

– Не знаю, никогда не видела, как это происходит. – Подруга задумалась. – А что, всем задержанным назначили для сбора одно общее место и время?

Я постаралась припомнить, что слышала, находясь в участке.

– Нет, одному турецкому парню велели подойти раньше, к восьми тридцати.

– Так что же мы тут сидим!

Ирка подскочила и захлопотала, как вспугнутая курица.

– Бежим, посмотрим, как его депортируют! Будешь знать, что тебя ожидает.

24 января, 08.35

Мы успели вовремя: два красавца в полицейской форме как раз подошли к удрученному турку с невозмутимым и одновременно важным видом посланцев судьбы. Турук им покивал, послушно подписал какие-то бумаги и поплелся за полицейскими красавцами. Вернее, между красавцами, потому что один из них шел в этой короткой связке первым, а другой – третьим.

– По крайней мере, цепями они не скованы, – попыталась подбодрить меня Ирка.

Тем не менее сразу ясно было, что двое в форме – это не рамочка для красоты картины, а полицейский конвой.

Я вздохнула.

Прикинула, как далеко мне придется идти под конвоем, и вздохнула еще раз: через весь аэропорт!

Почему-то рейсы на Краснодар всегда отправляются с самого дальнего гейта.

– Идем, нам надо увидеть все. – Бестрепетная Ирка потянула меня за руку.

Держась на небольшом расстоянии, мы прошли за бедным турком и его конвоирами до того места, где пассажира и его вещи досматривают перед посадкой на рейс.

– А вот и преимущества полицейского сопровождения! – заметила Ирка, продолжая благородные попытки меня подбодрить. – Смотри, как небрежно его досматривают! Сумочку даже на ленту не поставили, так и пропустили на плече через рамку. Толстый свитер снять не велели, голенища сапог не ощупали и не огладили сканером. Обычно, ты же знаешь, обязательная процедура досмотра бывает гораздо более унизительна.

Я вяло кивнула, соглашаясь с подругой.

Наличие полицейского сопровождения как будто послужило гарантией добропорядочности сопровождаемого. Его практически не досматривали и пропустили очень быстро, даже без очереди. Сами полицейские никакому досмотру вообще не подвергались и через рамки не проходили. Помахав коллегам билетом и пакетом с документами депортируемого, они обошли контроль и встретили выдворяемого турка с другой стороны.

– Все, дальше мы не пройдем, нам берег турецкий не нужен. – Ирка остановила меня и развернула на девяносто градусов. – Давай отсюда посмотрим.

Сквозь стеклянную стену, огораживающую гейт, мы увидели, как полицейские подвели турка к стойке, и сотрудник авиакомпании пропустил их всех в рукав, ведущий в самолет.

– Видишь, какая красота? Ты и тут без очереди пройдешь, впереди толпы, как ВИП-пассажир! – не замедлила отметить плюсы депортации Ирка.

И она тут же сгенерировала стишок:

Вот Елена Логунова
В самолет садится снова.
Тише, Лена, не вопи:
Полетишь как Ви Ай Pi!

– Ну да, ну да. – Мне не хватило душевных сил на изображение восторга. – Вот только как подумаю, что в очереди на посадку наверняка найдутся люди, которые меня знают, так сразу понимаю, какое это будет позорище...

– Ну-у-у... Хочешь, я полечу не в Москву, а с тобой в Краснодар? – предложила Ирка. – Буду объяснять любопытным, что ты ставишь журналистский эксперимент, нас снимает скрытая камера и все такое прочее!

– Спасибо, дорогая, – искренне поблагодарила я верную подругу. – Но не надо. Я пройду этот крестный путь сама.

– Может, еще и не понадобится, – напомнила Ирка. – Может, тебя в Прагу пропустят. Давай, не кисни, выше нос!

24 января, 08.41

Дзинь!

Пришло сообщение от мужа: «Кыся, а где мой синий свитер?»

24 января, 08.42

Я психанула и энергично настучала в ответ: «Коля!!! Мне бы твои проблемы!!!»

24 января, 08.43

Дзинь!

Колян написал: «Тебе тоже нечего надеть? Что, опять потеряла багаж?!»

Какая бессовестная инсинация! Я НИКОГДА не теряла багаж! Это ОН меня терял.

Мой чемодан время от времени живет своей собственной напряженной жизнью. Как-то раз я улетела в Рим, а он – в Париж. А потом еще однажды я – в Сочи, а он – в Сыктывкар!

Кстати, у кого бы спросить, где сейчас мой багаж?

24 января, 08.44

– Дочь моя, запомни главную заповедь контрабандиста: не выпендриваться! – бывало поучал Лизу папенька. – Выделишься из толпы – привлечешь к себе внимание, а оно тебе нужно?

– Не нужно, – соглашалась Лизонька, понимая, что в чем в чем, а в искусстве пересечения границ и законов ее папуля разбирается превосходно.

Сын казашки и немца, родившийся в Средней Азии, он совершенно легально перебрался из родных степей сначала на среднерусскую равнину, а потом в предгорья Альп, но и на этом не остановился, а сделал челночное движение из одной части света в другую своей доходной профессией. Благо лицом предприниматель пошел в казашку-маму и в тщательно подобранным наряде и с правильными аксессуарами походил на добропорядочного и скромного пожилого китайца ничуть не меньше, чем сам великий Мао Цзэдун.

Бизнес у папеньки получился незаконный, но прибыльный, и, когда со временем назрел вопрос о его расширении, родитель принял в дело подросшую дочь.

К сожалению, наружность у той образовалась самая европейская, нордическая кровь азиатскую перебила, и голубоглазая веснушчатая Лизонька с блеклыми светлыми волосами и длинномерными мосластыми конечностями смотрелась клоном Умы Турман. Поэтому рабочее поле отец и дочь поделили по восточной границе Евросоюза.

В этот день Лизонька прилетела в Вену бюджетным рейсом из Стамбула и должна была продолжить путь в Париж. Папенька, бедный, совершил долгий перелет из Гуаньчжоу и далее следовал «до дому» в Зальцбург – кататься на лыжах, пить глювайн и греться у камина с чувством честно исполненного долга.

Лизоньке же еще предстояло сдать товар в «настоящий парижский бутик на Монмартре», принадлежащий арабскому семейству Яким Баба. Впрочем, продавщицами в лавке работали настоящие француженки, и выглядело заведение слишком прилично, чтобы жадные до настоящих парижских штучек провинциальные модницы сообразили, что им адски дорого впаривают китайский контрафакт.

Хотя надо признать, маркированные товарным знаком с двумя переплетенными кольцами украшения, приобретенные в злачных кварталах Гуаньчжоу, выглядели ничуть не хуже настоящих «Шанель» безупречного французского происхождения.

Автобусы с пассажирами из Гуаньчжоу и Стамбула подъехали к раздвижным стеклянным дверям аэропокзала с разницей в шесть минут. Папенька, прибывший первым, нарочно болтался в самом хвосте очереди на паспортный контроль, чтобы встретиться с дочкой.

Лизонька не в первый раз подивилась тому, как убедителен ее родитель в образе тихого китайского старичка с неприметной серой сумкой на колесиках.

Пресловутую сумку папуя приобрел все в том же Китае, строго следя своему собственному правилу: не выпендриваться. Ручная кладь не привлекала внимания, не выглядела ни шикарной, ни бедной и в равной степени подходила как немолодому китайцу без претензий, так и заурядной немецкой барышне.

«Совершенно случайно» в очереди на контроль Лиза и папа оказались рядом. Ключевого момента перехода ручной клади из рук никто не заметил.

Контрольный пункт и дочь, и отец миновали без проблем, и вскоре Лизонька уже катила мягко тарахтящую колесиками сумку по мраморному полу транзитной зоны.

До вылета в Париж оставалось больше часа. Времени с избытком хватило на то, чтобы обмотать сумку предусмотрительно взятой с собой прозрачной пищевой пленкой.

Лизонька прекрасно знала, что венский аэропорт Швехад печально знаменит кражами личных вещей и ручной клади, и приняла простые, но действенные меры для защиты содер-жимого своей сумки: укутала ее пленкой и закрыла на два маленьких замочка – не кодовых, а с крошечными ключиками.

– Кодовый замок может вскрыться от резкого удара, а амбарный, даже маленький, невоз-можно открыть без ключа, – поучал когда-то Лизоньку опытный папа. – Чтобы избежать кражи вещей из багажа, всегда делай его «неудобным» для воров!

Папиным советам Лизонька следовала неукоснительно и беспрекословно.

24 января, 08.45

Четырнадцать дел комиссия рассмотрела в бодром темпе за тридцать минут, а на пятнадцатом забуксовала. Якоб Шперлинг, дежурство которого закончилось, специально задержался с уходом.

– А теперь поговорим о шише в заднице, – сказал председатель комиссии – инспектор группы Мюнхих, и все почему-то посмотрели на Шперлинга.

Якоб предпочел думать, что речь идет о задержанной гиперактивной русской.

Кто же знал, что она сумеет развить такую бурную деятельность! И не из хорошо оборудованного офиса, а из транзитной зоны аэропорта, да еще в ночь на субботу!

Якубу было совершенно ясно, что на такое способна только опытная шпионка.

К сожалению, его недальновидные коллеги это разумное мнение не разделяли.

– Благодаря безудержной бдительности стажера Шперлинга мы имеем то, что имеем, – желчно продолжил группениспектор. – Получено ходатайство от посольства России в Вене, поступили звонки от австрийских и чешских средств массовой информации. Не позволяя русской писательнице и журналистке лететь дальше в Прагу, мы, видите ли, срываем культурную акцию международного значения!

– Да журналисты – это те же самые шпионы! – не удержался от реплики Якоб.

Инспектор Пихлер толкнул его локтем в бок.

– Мы все знакомы с вашей точкой зрения, стажер Шперлинг, – холодно отозвался председатель комиссии. – Более того, мы в курсе, что в полном праве не пустить кого бы то ни было в Чехию по греческой визе. Однако мы также знаем, что в данном случае могли бы не придерживаться правил столь буквально, поскольку налицо особые обстоятельства.

– Так вы ее пропустите?! – возмутился Якоб.

– Нет, Шперлинг, не пропустим! – взорвался группениспектор.

Он стукнул кулаком по столу, и стопочка уже рассмотренных дел накренилась и с шорохом рассыпалась.

– А не пропустим мы ее потому, что КОЕ-КТО поторопился шлепнуть на визу этой русской печать «Аннулировано», даже не потрудившись разобраться в обстоятельствах! – гневно продолжил председатель комиссии.

Якоб поморщился. У группенинспектора была пренеприятная манера выделять голосом отдельные слова так, словно они написаны крупными жирными буквами. Или вообще выбиты зубилом на мраморной надгробной плите.

– Но я же нашел эту русскую в базе! – напомнил обиженный Якоб. – Елена Логунова уже не раз нарушила визовый режим по украинскому паспорту! То есть она злостная нарушительница – это во-первых, и путешествует по разным паспортам – во-вторых! Типичная шпионка!

– Дорогой Якоб, – почти нежно позвал председатель комиссии, закрывая глаза и вытирая платочком вспотевший лоб, – а вам известно, что у русских есть так называемое «отчество»?

– И что? – неопределенно ответил Якоб.

– А то, дорогой мой Якоб, что отчество русской Елены Логуновой – Ивановна, а украинской – Александровна. Более того, разница в датах рождения у них составляет двадцать лет, так что любому НОРМАЛЬНОМУ человеку понятно: это две разные женщины!

– Ты облажался, парень, – шепнул стажер инспектор Пихлер.

– И что же теперь делать? – беспомощно пробормотал стажер.

Ах, говорила ему муттер, говорила: «Якоб, ты должен быть более внимателен к деталям!»

– А теперь нам предстоит решить, что делать с другим русским, – со вздохом сказал председатель комиссии, перекладывая листочки дела русской писательницы в развалившуюся стопочку уже рассмотренных. – У нас ведь есть еще один гражданин России с подобным нарушением визового режима. В другой ситуации мы бы выслали его на родину без раздумий, но при данных обстоятельствах депортация сразу двух российских граждан может быть расценена как яркое проявление ухудшения политических отношений между нашими странами.

– Посольство точно обидится, – кивнул инспектор Пихлер. – Они там все та-акие нежные, чуть что – сразу ноты протesta строчат. И журналисты крик поднимут, это ясно.

– Короче говоря, я предлагаю кинуть им кость и пропустить второго русского, куда он там летел? Да, в Берлин, – заглянув в бумаги, сказал председатель комиссии. – У КОГО-НИБУДЬ есть возражения?

Он пристально посмотрел на стажера Шперлинга.

– Нет возражений, – пробормотал он и отвел непримиримый взгляд в сторону.

– Ничего, не расстраивайся, – ехидно нашептал ему инспектор Пихлер. – Шпионов в мире много, тебе еще кто-нибудь попадется!

24 января, 09.00

Точно в назначенный час я стояла у стойки Австрийских авиалиний, нервно тиская шарфик и ожидая появления представителя полиции, который сообщит мне, как решился мой вопрос.

В Краснодар или в Прагу?

В Прагу или в Краснодар?

Неподалеку встали лагерем мои вчерашние товарищи по несчастью, включая девочку в розовом и мальчика с помпоном. Мужичок в ушанке привалился к стеночке и, кажется, дремал. Ирка держалась поблизости, слоняясь среди прилавков книжного магазина и делая вид, будто она умеет читать по-немецки.

Парни в полицейской форме появились в девять ноль пять.

– Вот австрийские менты принесли документы! – явно стараясь меня развеселить, срифмовала моя подруга-поэтесса, но я даже не улыбнулась.

Служивые тоже не сияли улыбками, но были вежливы, во всяком случае, всех особ женского пола, включая девочку в розовом, называли «леди».

Взрослым из той большой группы раздали паспорта, и они откочевали, радостно переговариваясь, в зал ожидания.

«Этих пропустили куда им надо», – не без зависти прокомментировал мой внутренний голос.

Некрасовскому мужичку тоже вернули загранпаспорт, чего он явно не ожидал, потому как обалдело замер на месте, словно сторожевой суслик у норы, вместо того чтобы бежать, теряя валенки, к своему самолету в Европу.

«А вот это плохо, – сказал мой внутренний голос. – Не могли же австрийки пропустить всех-всех-всех? Кого-то они должны и депортировать, и тогда получается, что выдворяют тебя!»

– Не каркай! – прошептала я и бледно улыбнулась полицейскому.

Увы, пророчество сбылось.

Меня решили выслать на родину!

Мне захотелось плакать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.